

СОЮЗЫ, КОННЕКТОРЫ И ТЕОРИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ¹

Урысон Е. В. (uryson@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Объект работы — союзы и коннекторы, т. е. слова, которые маркируют связи между т. н. сверхфразовыми единствами. Коннекторы, подобно союзам, имеют как минимум два семантических актанта, однако поверхностное выражение этих актантов не может быть описано строгими синтаксическими правилами. Вводятся определения для описания специфики их выражения. Демонстрируется, что некоторые союзы, как сочинительные, так и подчинительные, могут функционировать как коннекторы, а другие — не могут, причем данная информация должна подаваться в словаре.

Ключевые слова: союз, коннектор, семантический актант, синтаксическая валентность, невыраженная валентность, сфера действия, предложение, текст.

¹ «Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», гранта РГНФ No. 10-04-00273а и гранта НШ-6577.2012.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ».

CONJUNCTIONS, CONNECTORS, AND VALENCY THEORY

Uryson E. V. (uryson@gmail.com)

V. V. Vinogradov Russian Language Institute
(RAS, Moscow, Russia)

According to traditional grammar conjunctions are words connecting clauses (or words / word combinations). Still many conjunctions can also connect sentences and longer fragments of texts, being in fact connectors, (these are “soft” conjunctions), while some conjunctions are able to connect only clauses (these are “hard” conjunctions). Many Russian conjunctions, both coordinating and subordinating, are soft, but there are also hard coordinating and subordinating conjunctions. Hard conjunctions are easily described in the frameworks of valency theory as predicates with (at least) two semantic and syntactic actants. Soft conjunctions and connectors also have two semantic actants. But at least one of these actants cannot be revealed in a text by an algorithm. It is argued that some refinements of valency theory are necessary for representing syntactic properties of connectors and soft conjunctions.

Key words: conjunctions, connectors, semantic actant, syntactic valency, expression of participants, clause, sentence, text.

1. Объект исследования и постановка задачи

Союзы и коннекторы — это формально неизменяемые слова, обладающие схожими функциями: несколько упрощая реальную картину, можно сказать, что и те и другие связывают между собой предложения. Союз — это одна из служебных частей речи, выделяемых в традиционной грамматике. Коннектор, напротив, понятие, возникшее относительно недавно. Союзы, как правило, включаются в класс коннекторов. Требуется, прежде всего, уяснить, каким образом класс коннекторов соотносится с традиционно выделяемыми частями речи, прежде всего — союзами. Мы попытаемся ответить на этот вопрос на основе анализа синтаксических свойств некоторых союзов и слов, обычно называемых коннекторами.

Оказалось, что описание выбранных слов требует уточнения теории валентностей. Поэтому в настоящей работе предлагаются новые понятия для представления их синтаксиса в формальной модели языка. Эти теоретические понятия уже излагались в статье [Урысон 2008]. В предлагаемой работе расширен анализируемый материал, что позволило уточнить описание синтаксических свойств союзов.

Работа сделана на русском материале, но основные выводы и понятия справедливы, по-видимому, и для других языков.

По определению Грамматики-80, «союз — это служебная часть речи, при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения» [Грамматика-80: 713]. Примеры:

- (1) *Я встану, **когда** будет светло* [союз оформляет связь между частями сложноподчиненного предложения].
- (2) *Стало светло, **и** я встал* [союз оформляет связь между частями сложносочиненного предложения].
- (3) *Стало светло **и** тепло* [союз оформляет связь между словоформами внутри простого предложения].

Последний случай мы не будем рассматривать.

По приведенному определению, союз может связывать и отдельные предложения в тексте. (Для удобства изложения будем называть такое отдельное предложение высказыванием.) Ср.

- (4) *Стало светло. **И** я встал.*

Правда, в Грамматике-80, как и в других известных нам грамматиках, подобные случаи не рассматриваются.

Коннекторы не являются отдельной частью речи. В этот класс объединяют некоторые союзы, некоторые частицы и некоторые наречия. Классический пример коннектора — *между тем*. Для простоты будем рассматривать данную единицу как одно слово, которое пишется с пробелом (в [МАС] оно квалифицируется как фразеологическое сочетание). Ср.

- (5) *Мы уже давно сбились с дороги. **Между тем** начало смеркаться.*

Между тем связывает вводимое им высказывание сразу с группой предшествующих высказываний. Что касается союза, то в примерах выше он связывает два предложения (в составе одного сложного), ср. (1)–(2), или два отдельных высказывания в тексте, ср. (4).

Способностью связывать группы высказываний обладают и другие коннекторы. Возьмем для примера наречия *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих*. Ср.

- (7) *Расширять дело мы сейчас не можем. **Во-первых**, нам придется тогда арендовать другое помещение. **Найти** большой и дешевый офис в центре почти невозможно. **Во-вторых**, надо будет увеличить штат. **Это** значит — платить огромный налог. **В-третьих**, наши поставщики слишком ненадежны.*

Наречия *во-первых, во-вторых, в- третьих* обозначают весьма сложные связи между целыми фрагментами текста.

Разумеется, коннектор, подобно союзу, может связывать и просто два высказывания. Ср.

- (8) *Мы уже давно шли по лесу без всякой дороги. Между тем начало темнеть.*
- (9) *Мы второй день сидим без еды, между тем нам все время обещают помощь.*

Однако это частный случай. Главное свойство коннектора состоит в том, что он может связывать не только высказывания, но и т. н. «сверхфразовые единства».

По-видимому, разные коннекторы накладывают разные ограничения на связываемые ими фрагменты текста. Так, *между тем* связывает предшествующую группу предложений или высказываний с одним высказыванием, внутри которого располагается сам. Коннектор типа *во-первых*, наоборот, связывает одно высказывание (предложение) с группой последующих высказываний (предложений). Описание синтаксиса коннекторов с этой точки зрения представляет собой отдельную задачу.

В данной работе мы сосредоточимся на союзах. Казалось бы, естественно предположить, что союзы, в отличие от коннекторов, могут связывать только предложения, но не группы высказываний, не «сверхфразовые единства». Однако ситуация оказалась сложнее.

2. «Мягкие» и «жесткие» союзы

Некоторые союзы подобны коннекторам — они могут связывать не только предложения или высказывания, но и целые группы предложений или высказываний. Мы называем такие союзы «мягкими». Другие союзы, напротив, способны соединять только два предложения (высказывания). Такие союзы мы называем «жесткими».

Мягкость/жесткость союза связана с еще одним, более слабым, свойством: способностью/неспособностью союза соединять два отдельных высказывания (т. е. sentences, а не clauses), ср. (4).

Логически возможны следующие комбинации.

- (а) Союз способен связывать и два отдельных высказывания, и высказывание с группой высказываний. Это максимально мягкий союз.
- (б) Союз способен связывать как два отдельных предложения (clauses), так и два отдельных высказывания (sentences), но не высказывание с группой высказываний. Это минимально мягкий союз.
- (в) Союз способен связывать только два предложения (clauses), причем в составе сложного. Это жесткий союз.

Строго говоря, данная классификация независима от разбиения союзов на сочинительные и подчинительные: одни сочинительные союзы являются «мягкими», а другие «жесткими», и так же обстоит дело с союзами подчинительными.

Все же можно предположить, что многие сочинительные союзы — мягкие, а многие подчинительные союзы — жесткие. Мы, однако, пока не имели возможности проверить эту гипотезу. Сейчас наша цель — продемонстрировать данные типы союзов.

Главные русские сочинительные союзы — *и*, *а* и *но* — являются мягкими. Возьмем примеры:

(10) *Он сделал мне предложение, и я вышла за него замуж.*

(10а) *Он сделал мне предложение. И я вышла за него замуж.*

(11) *Он всегда помогал мне, был рядом в трудную минуту. Дети очень его любили. И я вышла за него замуж.*

В (10) союз *и* связывает два предложения, в (10а) — два высказывания, в (11) — группу предшествующих высказываний с данным (т. е. с тем, которое содержит союз *и*). Следовательно, союз *и* является максимально мягким.

Данные контексты с союзом *и* выражают причинно-следственное значение. Возьмем другие примеры, где союз *и* выражает т. н. «присоединительное» значение. Ср.

(12) *Снег тает, и день уже очень длинный.*

(12а) *Снег тает. И день уже очень длинный.*

(13) *Снег тает. По ночам коты орут. И день уже очень длинный.*

Ясно, что союз *и* в «присоединительном» значении тоже максимально мягкий.

Примеры с союзом *но*:

(14) *Он сделал мне предложение, но я не вышла за него замуж.*

(14а) *Он сделал мне предложение. Но я не вышла за него замуж.*

(15) *Он всегда помогал мне, был рядом в трудную минуту. Дети очень его любили. Но я не вышла за него замуж.*

Эти примеры аналогичны (10) и (11). Ясно, что союз *но*, как и союз *и*, — максимально мягкий. (Союз *но* употребляется и в других контекстах, выступая там в других значениях, но здесь они не рассматриваются.)

Возьмем теперь союз *а* и рассмотрим его разные лексемы.

Одна из лексем союза *а* — мы называем ее «*а* ненормального следствия» — сближается по значению с союзом *но*. Ср.

(16) *Пьеса слабая, а в театре аншлаг.*

(16а) *Пьеса слабая. А в театре аншлаг.*

(17) *Пьеса слабая. Актеры плохие, у нас в самодеятельности и то лучше. Постановка никуда не годится. А в театре аншлаг.*

Из примеров ясно, что союз «*а* ненормального следствия» является максимально мягким.

Возьмем теперь другую, самую частотную лексему союза *а* — «*а* сопоставления». Ср.

(18) *Катя интеллигентная девушка из хорошей семьи, а Даша — простая, из села.*

(18а) *Катя интеллигентная девушка из хорошей семьи. А Даша — простая, из села.*

(19) *Катя — интеллигентная девушка из хорошей семьи. Ее родители — потомственные врачи. Она тоже еще в детстве решила стать хирургом. А Даша — простая, из села. Мама у нее доярка, отец был трактористом, пил и рано умер. Ни о каком институте Даша и не мечтает.*

Очевидно, что союз «*а* сопоставления» тоже максимально мягкий.

У союза *а* есть еще одна лексема, которую мы называем «*а* поворота повествования». Ср.

(20) *Вышли на улицу, а мороз градусов тридцать. (И мы решили взять такси).*

(20а) *Вышли на улицу. А мороз градусов тридцать. (И мы решили взять такси).*

(21) *Стою на остановке. Жду автобуса. А мороз градусов тридцать.*

Из (20)–(21а) ясно, что «*а* поворота повествования» — это тоже максимально мягкий союз.

Иначе обстоит дело с еще одной лексемой союза *а*, которая подробно рассмотрена в книге [Санников 1989], где названа (вслед за [Крейдлин, Падучева 1974]) «*а* присоединения». Ср. примеры из этих работ:

(22) *За деревней было поле, а за полем начинался лес.*

(23) *Глеб жесток, а жестокость никто не любит.*

В этих высказываниях рема первого сочиненного компонента становится темой второго. Данная лексема союза *а* может связывать лишь два предложения или два отдельных высказывания. Ср.

(22a) *За деревней было поле. А за полем начинался лес.*

(23a) *Глеб жесток. А жестокость никто не любит.*

Следовательно, «*а* присоединения» — минимально мягкий союз.

В рассматриваемом отношении интересен стилистически отмеченный (канцелярский) союз *а также*, являющийся близким синонимом союза *и* в одном типе контекстов. Ср. *Пришли Ваня, Петя, а также <и> Маша*. В подобных контекстах союз *а также*, подобно *и*, является средством оформления множества, задаваемого перечислением. Элементами этого множества могут быть и ситуации. Ср. *Летят снаряды, и свистят пули; Он сломал ногу и повредил руку*. В этом случае союз *а также* допустим, хотя он и тяготеет к оформлению множества не ситуаций, а объектов. Ср. *Летят снаряды, а также свистят пули; Он сломал ногу, а также повредил руку*. (Некоторая шероховатость первого примера объясняется «канцелярским» характером союза *а также*.)

Союз *и* в подобных контекстах является максимально мягким. Ср.

(24) *Летят снаряды. Вокруг гремят взрывы. И пули свистят.*

(25) *Петя сломал ногу. Он повредил руку. И при падении у него выбило зубы.*

Союз *а также* в подобной позиции не встречается. Он тяготеет к оформлению сложносочиненного предложения. Ср. неудачные примеры:

(26) *?Петя сломал ногу. Он повредил руку. А также при падении у него выбило зубы.*

(27) *?Петя сломал ногу. А также он повредил руку.*

В современном языке в подобной позиции, в абсолютном начале предложения, употребляется слово *также*, ср. *Петя сломал ногу. (Он повредил руку.) Также при падении у него выбило зубы*. (Заметим, что подобное употребление слова *также* до недавнего времени считалось стилистически плохим.) Союз *а также* является жестким — он может связывать только два простых предложения в составе сложного (т. е. sentences).

Перйдем теперь к подчинительным союзам.

Основные причинные и уступительные союзы являются максимально мягкими. Ср.

- (28) *Маша все делает для Пети. Она дает ему деньги в долг. Она помогала его маме в больнице. Она нашла для него хорошую работу. Потому что она до сих пор любит его.*
- (29) *Мы долго и упорно делали эту работу. Сидели ночами. Тщательно проверяли расчеты. Хотя <несмотря на то что> эта работа нам всем уже давно надоела.*

Временные союзы *когда* и *пока* тоже могут связывать предложение с целой группой предшествующих высказываний. Ср.

- (30) *Петя до одурения играл в компьютерные игры. Он болтал по телефону и не прикасался к учебникам. Когда отца не было дома.*
- (31) *Петя до одурения играл в компьютерные игры. Он болтал по телефону и не прикасался к учебникам. Пока отца не было дома.*

Союзы *когда* и *пока* ведут себя здесь как максимально мягкие. Тем не менее, в интересующем нас отношении они отличаются от *хотя* и *несмотря на то что*. Действительно, сравним (30) и (31) со следующими примерами:

- (32) *Петя до одурения играл в компьютерные игры, он болтал по телефону и не прикасался к учебникам, когда отца не было дома.*
- (33) *Петя до одурения играл в компьютерные игры, он болтал по телефону и не прикасался к учебникам, пока отца не было дома.*

Ясно, что (30) и (31) выражают некоторый дополнительный модальный смысл. В первом приближении, этот смысл можно сформулировать так: ‘Р, только когда <пока> Q’; кроме того, (30) и (31) акцентируют, что отец запрещал Пете делать все это. В примерах (32)–(33) этот смысл специально не выражен. Однако благодаря знанию действительности примеры (32)–(33) понимаются практически так же.

В тех контекстах, которые не допускают такого модального понимания, союз *когда* ведет себя как максимально жесткий: он может связывать только два предложения в составе сложного, но не два отдельных высказывания. Ср.

- (34a) *Я закрыл книгу, когда стало совсем темно.*
- (34б) ^{??}*Я закрыл книгу. Когда стало совсем темно.*

(Мы отвлекаемся от парцелляции и сегментирования предложения, считая, что в подобных случаях предложение не может быть стилистически нейтральным.)

Поведение союза *пока* сложнее: в некоторых контекстах, например в контексте императива, он может связывать и два отдельных высказывания, т. е. быть минимально мягким. Ср.

(35) *Уходи. Пока я тебя не побил.*

Жестким является союз *прежде чем*. Ср.

(36a) *Он остановился, прежде чем она приблизилась к нему.*

(36b) *?? Он остановился. Прежде чем она приблизилась к нему.*

Последний пример возможен лишь с контрастным ударением на первом компоненте союза.

Грамматика-80 относит к составным временным союзам и сочетание *как вдруг*. В отличие от союзов, рассмотренных выше, *как вдруг* ведет себя как максимально мягкий. Ср.

(37) *Гости собирались расходиться. Некоторые уже стояли в передней и одевались. Как вдруг на лестнице раздался странный шум.*

Жесткими являются также все те союзы, которые состоят из двух дистантных элементов; ср. *(не) то... (не) то, если...то, чем...тем* и т. п.

Выявленные различия между союзами не отражены в известных нам грамматиках и словарях.

Ясно, что в класс коннекторов естественно только включать мягкие союзы. Требуется уметь представлять синтаксические особенности мягких союзов (и других коннекторов) в модели языка.

3. Представление синтаксиса союзов и коннекторов

Союзы естественно считать предикатами с двумя семантическими актантами — P и Q, причем в нашем материале оба семантических актанта союза представляют собой ситуации. Ср. *Хотя был сильный мороз (Q), лыжные тренировки не отменялись (P)* ['хотя Q, P']; *Когда ты сдашь последний экзамен (Q), мы поедем на дачу (P)* ['когда P, Q']; *Шел дождь (P), и было холодно (Q)* ['P, и Q']; *Я устала (P), а тебе никакого дела нет (Q)* ['P, а Q'].

Иным словами у союза естественно усматривать две семантические валентности. А сколько у союза синтаксических валентностей?

Синтаксическая валентность лексемы — это, по определению, «способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или предложение, которые соответствуют ее семантическому актанту» [Апресян 2004: XXV]. Из этого определения следует, что синтаксический актант некоторой предикатной лексемы — это ее синтаксическое зависимое.

Условимся, что в рассматриваемых нами случаях как подчинительный, так и сочинительный союз синтаксически подчиняют себе оба связываемых предложения. Иными словами, подчинительный союз типа *когда* или *хотя* подчиняет себе и главное предложение, и придаточное: $P \leftarrow \text{когда} \rightarrow Q, P \leftarrow \text{хотя} \rightarrow Q$. Сочинительный союз типа *а*, *и* подчиняет себе оба сочиненных предложения: $P \leftarrow \text{и} \rightarrow Q, P \leftarrow \text{а} \rightarrow Q$.

Естественно приписывать союзу в словаре информацию о его жесткости / мягкости.

В случае жесткого союза правила реализации его синтаксических валентностей принципиально не отличаются от, скажем, правил реализации валентностей глагола. Специфика такого союза сводится к тому, что его синтаксические валентности насыщаются не отдельными словами или словосочетаниями (таковы глагольные дополнения), а отдельными предложениями в составе сложного. У минимально мягкого союза синтаксический актанта *P* выражается несколько иначе: либо предшествующим предложением в составе данного сложного, либо предложением, которое непосредственно предшествует данному.

В этих случаях оба синтаксических актанта союза описываются в синтаксических терминах и могут быть полностью заданы синтаксическими правилами. А как описать синтаксис коннектора или максимально мягкого союза?

Рассмотрим другой материал, помогающий четче уяснить суть возникающей проблемы. Сравним подчинительный союз *хотя* и коннектор *тем не менее* [В. Апресян 1999, 2004; Урысон 2003].

(38а) *Был очень сильный мороз (P). Тем не менее лыжные тренировки не отменялись (Q).*

(38б) *Хотя был очень сильный мороз (P), лыжные тренировки не отменялись (Q).*

(39а) *Да, это внезапное появление могло испугать кого угодно (P), и тем не менее оно являлось большой радостью (Q) (М. Булгаков).*

(39б) *Хотя это внезапное появление могло испугать кого угодно (P), оно являлось большой радостью (Q).*

И союз *хотя*, и коннектор *тем не менее* описывают положение дел, когда имеют место две ситуации — *P* и *Q*, причем ситуация *P* препятствует существованию ситуации *Q* (например, ситуация 'сильный мороз' препятствует существованию ситуации 'проведение лыжных тренировок'). Тем самым, слова *хотя* и *тем не менее* имеют по два семантических актанта. Актант *P* — это ситуация, препятствующая существованию другой ситуации. Актант *Q* — это та «ключевая» ситуация, которая имеет место вопреки препятствию. Данные слова различаются, прежде всего, следующим: союз *хотя* непосредственно вводит указание на ситуацию-препятствие (*P*) и располагается в соответствующем предложении. А слово *тем не менее* вводит указание на «ключевую»

ситуацию (Q), существующую вопреки препятствию, и располагается в предложении, обозначающем данную ситуацию. Условимся, что слово *тем не менее* подчиняет себе вводимое им предложение.

Будем приписывать номер 1 тому актанту, выражение которого вводится рассматриваемым словом. При таком соглашении лексическая единица *тем не менее* и союз *хотя* различаются (в частности) номером актантов P и Q.

Хотя: P [ситуация-препятствие'] = 1.

Тем не менее: Q [ключевая ситуация] = 1.

Тем самым, слово *тем не менее* и союз *хотя* находятся в отношении конверсии. Точнее, *тем не менее* — это квазиконверсив подчинительного союза *хотя* [Урысон 2003] (в работе [В. Апресян 1999] эти единицы признаются точными конверсивами). Сосредоточимся на синтаксических различиях этих единиц.

Напомним, что по принятому нами соглашению подчинительный союз *хотя* подчиняет себе и главное предложение, и придаточное. Придаточное является средством выражения семантического актанта P (т. е. ситуации-препятствия). Главное предложение выражает «ключевую» ситуацию, т. е. обозначает актант Q. Следовательно, каждому семантическому актанту союза *хотя* соответствует синтаксический актант, причем как оба семантических, так и оба синтаксических актанта союза *хотя* являются обязательными. Подчеркнем, что синтаксические актанты союза *хотя* описываются в синтаксических терминах и могут быть полностью заданы синтаксическими правилами. Союз *хотя* — это и семантически, и синтаксически двухместный предикат.

А сколько синтаксических валентностей (и синтаксических актантов) у слова *тем не менее*?

Необходимо заметить, что теория валентностей (в частности, используемая в модели «СМЫСЛ↔ТЕКСТ») предназначена прежде всего для представления семантических и синтаксических актантов предиката внутри предложения [Мельчук 1974; Апресян 1974]. Рамками высказывания ограничивается и более широкая теория сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996]. Между тем лексическая единица *тем не менее*, как и многие фразовые частицы, принадлежит к классу коннекторов, а они выражают семантические связи между фрагментами текста, иногда достаточно большими. Функционирование таких единиц удастся представить только выйдя за пределы высказывания. Попытаемся описать синтаксическую специфику частицы *тем не менее*. Слово *тем не менее* располагается в начале (реже — внутри) независимого предложения (ср. одинаково нормальные высказывания *Тем не менее лыжные тренировки не отменялись* — *Лыжные тренировки тем не менее не отменялись*). Как мы условились, оно подчиняет себе это предложение. Следовательно, слово *тем не менее* обладает синтаксической валентностью на ситуацию Q, существующую вопреки препятствию. Соответствующий синтаксический актант выражается предложением, в котором находится обсуждаемое слово.

Что касается ситуации-препятствия P, то ее обозначение может описываться весьма длинным фрагментом предтекста. Так обстоит дело со следующими примерами — описание «препятствий» для Q занимает в соответствующих произведениях не одну страницу. Ср.

- (40) *Тем не менее костюм от редакции я получил* (С. Довлатов).
- (41) *Тем не менее друг к другу они чувствовали настоящую приязнь и разговаривали обо всем совершенно свободно* (Ю. Домбровский).

Эти примеры, между прочим, демонстрируют, почему коннектор естественно синтаксически относить к правому, а не к левому конъюнкту. Можно было бы считать, что синтаксически коннектор вообще не относится ни к одному высказыванию текста. Однако подобный подход требует принципиального расширения синтаксической теории, без которого, как кажется, можно вполне обойтись.

Из (40)–(41) ясно, что к лексеме *тем не менее* (точнее, к выражению ее семантического актанта Р) не может быть применено определение синтаксической валентности и синтаксического актанта. Действительно, из приведенного выше определения следует, что синтаксический актант некоторой предикатной лексемы — это ее синтаксическое зависимое, но такое зависимое располагается в пределах того же высказывания, что и сам данный предикат.

Разумеется, можно счесть примеры типа (40)–(41) маргинальными и сосредоточиться на тех примерах (кстати, столь же нейтральных), когда ситуация-препятствие Р выражена в пределах того же высказывания, что и лексема *тем не менее*, или хотя бы в высказывания, непосредственно к нему примыкающему. Ср.

- (42) *Подавленный всем случившимся, он тем не менее продолжает лекцию* [ситуация Р — ‘он подавлен всем случившимся’].
- (43) *Мало что понимая по-немецки, Иван тем не менее догадывался, как издается над всем виденным Георг Майзель* (А. Азольский) [ситуация Р — ‘Иван мало что понимал по-немецки’].
- (44) *В этом городе, где уже столько лет вытравляется дух приключения, оно тем не менее живет, ползет по улицам, лепится к окнам* (В. Аксенов) [ситуация Р — ‘в этом городе уже столько лет вытравляется дух приключения’].

Однако подобный материал вызывает не меньше трудностей. Обратим внимание на то, что ситуация-препятствие Р в приведенных примерах выражается самыми разными способами: самостоятельным высказыванием, как в примерах (38а, 39а); фрагментом, содержащим причастный или деепричастный оборот, ср. (42,43); придаточным предложением, ср. (44). И, что самое главное, невозможны никакие сколько-нибудь естественные соглашения, при которых соответствующие фрагменты предложения разумно было бы считать синтаксическими зависимыми слова *тем не менее*. Получается, что данная единица не имеет синтаксической валентности, соответствующей ее семантическому актанту Р.

В этом — основное синтаксическое различие между подчинительным союзом *хотя* (в рассмотренном значении) и частицей *тем не менее*: союз *хотя* и семантически, и синтаксически двухвалентен, а слово *тем не менее*, имея два семантических актанта, должно быть признано синтаксически одновалентным.

Приняв, что слово *тем не менее* имеет лишь одну синтаксическую валентность, мы полностью освобождаем себя от описания поверхностного выражения его второго семантического актанта. Между тем к обозначению этого актанта предъявляются вполне четкие формальные требования.

Во-первых, семантический актант 'ситуация-препятствие' слова *тем не менее* выражается только в предтексте. Во-вторых, обозначение этого актанта должно содержать рему. Эта рема может быть основной (если ситуация Р описывается отдельным самостоятельным высказыванием) или второстепенной — так обстоит дело, если ситуация Р обозначается фрагментом, содержащим обособленный оборот. Ср.

(38а) *Был очень сильный мороз (Р). Тем не менее лыжные тренировки не отменялись (Q)* [выражение актанта Р представляет собой первого рему высказывания].

(42) *Подавленный всем случившимся, он тем не менее продолжает лекцию* [актант Р — 'он подавлен всем случившимся'; выражение актанта Р представляет собой второстепенную рему высказывания].

Строго говоря, в рамках модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» (да и любой собственно синтаксической концепции) описание подобных ограничений на выражение семантического актанта не предусмотрено. С содержательной точки зрения это вполне понятно: модель «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» (как и различные синтаксические модели) предназначена для представления лишь «настоящих», полноценных синтаксических валентностей. Коннектор *тем не менее* обладает одной такой валентностью, а вторая синтаксическая валентность у него только намечается — какие-то формальные требования к выражению обсуждаемого актанта есть, однако их слишком мало. (Возможно, эти требования аналогичны требованиям к выражению антецедента местоимения типа *он*.)

Тем не менее требуется описывать и промежуточные случаи, когда синтаксическая валентность слова находится в «зачаточном» состоянии.

Попытаемся применить к нашему случаю концепцию сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996]. Ведь именно эта теория позволяет описывать валентную структуру частиц, семантические актанты которых выражаются не управляемыми дополнениями, а достаточно сложно определяемыми фрагментами высказывания.

4. Обсуждение теоретического аппарата

Идея И. М. Богуславского состоит в том, что «разумно было бы называть синтаксическим актантом любое синтаксическое образование, значение которого соответствует семантическому актанту» [Богуславский 1996]. Но поскольку термин «синтаксический актант» имеет вполне устоявшееся, традиционное понимание, не распространяющееся на любое синтаксическое образование, то вместо него вводится новый, более широкий термин: синтаксическая сфера действия лексемы по ее семантическому актанту.

Синтаксическая сфера действия лексемы по ее семантическому актанту X — это тот фрагмент синтаксической структуры, смысл которого соответствует семантическому актанту X данной лексемы. Казалось бы, приведенное определение идеально подходит для нашего случая. Тогда у слова *тем не менее* есть синтаксическая сфера действия по семантической валентности на ситуацию-препятствие P , а значит, и соответствующий синтаксический актант.

Обратим, однако, внимание на следующий факт: во всех случаях, разобранных И. М. Богуславским, речь идет о тех синтаксических сферах действия, которые задаются четкими, вполне алгоритмизируемыми лингвистическими правилами. Между тем выражение семантического актанта P лексемы *тем не менее* не может быть задано подобным образом. Это различие между материалом, описанным И. М. Богуславским, и случаем типа нашего, имеет принципиальный характер.

Дело в том, что понятие синтаксической сферы действия является расширением более традиционного понятия синтаксического актанта, а оно первоначально было введено для описания глагольного управления. Сущность синтаксического актанта глагола состоит не только в том, что он зависит от глагола, но и в том, что он имеет определенное морфологическое, синтаксическое или морфосинтаксическое оформление, диктуемое лексическими свойствами глагола или семантикой управляемого слова [Апресян 1979]. Иными словами, синтаксический актант глагола может быть адекватно описан в достаточно строгих синтаксических терминах, и это описание может быть использовано в правилах синтеза и анализа высказывания. Если, заменяя понятие синтаксического актанта более широким и гибким понятием синтаксической сферы действия, мы откажемся от каких бы то ни было требований к поверхностному выражению семантического актанта, то нам придется отказаться и от идеи алгоритмизуемого обнаружения синтаксического представления высказывания.

Фактически и «классическая» теория валентностей, и ее расширение — концепция сфер действия [Богуславский 1996] — предусматривает лишь ту ситуацию, когда для данного семантического актанта существует четкий набор способов его выражения, пользуясь которым можно формально определять тот фрагмент синтаксической структуры (или значения словоформы, или коммуникативной структуры), которым данный актант выражается.

А как быть в ситуации, когда таких правил нет?

В рамках модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» в подобных случаях принято говорить, что данный семантический актант невыразим и лексема не имеет

соответствующей синтаксической валентности. Классический пример лексемы с невыразим семантическим актантом (или, что то же, с нереализуемой семантической валентностью) — глагол *промахнуться* [Мельчук 1974: 135; Апресян 1974: 148].

Глагол *промахнуться* описывает ситуацию, когда субъект стреляет (или бросает нечто) в цель, однако не попадает в нее. Следовательно, цель, или поражаемый объект, является одним из семантических актантов описываемой ситуации. Однако высказывания, в которых данный семантический актант был бы оформлен как обычный синтаксический актант глагола, неудачны или неудовлетворительны. Ср. ^{??}*Охотник промахнулся по тигру* <**в тигра*>. Причина этого в том, что в русском языке нет стандартного словосочетания ^{??}*промахнуться по кому-л./чему-л.* <**в кого-л./что-л.*>, хотя нормально словосочетание *стрелять в кого-л./что-л.* (Аналогичным образом обстоит дело и с актантом 'инструмент' данных глаголов: в русском языке есть стандартное словосочетание *стрелять из чего-л.*, но нет стандартного словосочетания ^{??}*промахнуться из чего-л.*). В терминах модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ», актант 'цель' глагола *промахнуться* невыразим и глагол *промахнуться* не имеет синтаксической валентности по данному семантическому актанту.

Существенно, что очень часто данный семантический актант выражен где-то в тексте. Ср. *Охотник выстрелил в волка, но промахнулся; По выражению лица охотника мы поняли, что он опять промахнулся. А стрелял он, как выяснилось, в белку.* Однако выражение данного семантического актанта невозможно задать теми формальными правилами, которыми описывается реализация валентностей.

Возвращаясь к частице *тем не менее*, заметим, что ее семантический актант Р, указывающий на ситуацию-препятствие, тоже не может быть полностью задан формальными синтаксическими правилами. Следовательно, с точки зрения модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ», один из семантических актантов слова *тем не менее* является невыразимым.

Однако между глаголом *промахнуться* и анализируемой фразовой частью есть принципиальное различие, на котором мы сейчас и остановимся.

5. *Промахнуться* и *тем не менее*: два типа «невыразимых» семантических актанта

Как продемонстрировано в работе [Плунгян, Рахилина 2005], невыразимость объекта глагола *промахнуться* обусловлена тем, что данный его семантический актант фигурирует в пресуппозиции лексемы, а не в ассерции. Аналогичным образом обстоит дело с глаголами, обозначающими «ликвидацию результата действия». У глаголов типа *забинтовать (руку марлей)*, *заворачивать (покупку в бумагу)*, *завязывать (ящик веревкой)* имеется валентность средства-объекта, нереализуемая у их антонимов *разбинтовать (руку)*, *разворачивать (покупку)*, *развязывать (ящик)*, хотя в принципе она у них есть, потому что их невозможно истолковать, не упоминая некоего X-а (средства-объекта),

который А снимает с В. Аналогичную семантическую структуру имеют и другие антонимы этого класса, к числу которых можно отнести, помимо уже названных слов, *развьючить (осла)*, *разгрузить (машину)*, *разжать (уши)*, *растегнуть (пальто)* и многие другие (ср. исходные глаголы *навьючить (осла тюками)*, *нагрузить (машину зерном)*, *зажать (уши ладонями)*, *застегнуть (пальто на все пуговицы)*).» [Апресян 1974: 147]. У всех этих слов тоже невыразим семантический актант, фигурирующий в пресуппозиции значения лексемы. Естественно, что такой подразумеваемый актант может вообще никак не называться в тексте, что не нарушает его правильности. Ср. *Не знаю, куда он метил, знаю только, что промахнулся; Чем он зарабатывает? — Вагоны разгружает* и т. п.

Что касается лексемы *тем не менее*, то выражение ее обсуждаемого актанта в тексте совершенно обязательно. Высказывание типа *Тем не менее костюм от редакции я получил* обязательно предполагает предтекст, содержащий описание ситуации-препятствия Р. Именно поэтому высказывание с *тем не менее* невозможно в абсолютном начале повествования или в качестве первой реплики диалога. Ситуация парадоксальна: семантический актант, с одной стороны, по определению «невыразим», а с другой стороны, его выражение в тексте совершенно обязательно.

Приведенный материал заставляет пересмотреть понятие «невыразимого» семантического актанта. Для представления рассмотренных фактов мы воспользуемся концепцией И. М. Богуславского, привлекающей своей простотой и логичностью, введя, однако, некоторые новые определения. Нам придется разграничить разные типы синтаксических сфер действия лексемы.

6. Типы синтаксических сфер действия лексемы по некоторому актанту.

Специфика «невыразимого» семантического актанта, например, актанта 'цель' глагола *промахнуться*, состоит в том, что его выражение не описывается строгими (формальными) лингвистическими правилами. Иными словами, синтаксическая сфера действия лексемы по такому актанту не может быть задана лингвистически.

- Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанту не может быть описана строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера является лингвистически неопределенной.

В соответствии с этим «невыразимый» семантический актант некоторой лексемы — это такой актант, синтаксическая сфера действия по которому лингвистически не определена.

Обычный («выразимый») актант некоторой лексемы — это такой актант, выражение которого вполне описывается лингвистическими правилами.

- Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанту вполне описывается строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера лингвистически хорошо определена.

Хорошо определены синтаксические сферы действия, соответствующие «классическим» синтаксическим актантам, например глагольным дополнениям. Хорошо определенными являются и синтаксические сферы действия частиц, описанные в книге [Богуславский 1996].

Для описания промежуточного случая, представленного словом *тем не менее*, введем еще одно определение.

- Будем говорить, что синтаксическая сфера действия лексемы по данному семантическому актанту является частично лингвистически определенной, если выражение данного актанта описывается формальными правилами не полностью.

Частично определенной является синтаксическая сфера действия слова *тем не менее* по актанту 'ситуация-препятствие'.

Сформулируем синтаксическое различие между уступительным союзом *хотя* и частицей *тем не менее* в новых терминах.

И уступительный союз *хотя*, и частица *тем не менее* имеют по два семантических актанта, и каждому актанту соответствует своя синтаксическая сфера действия. При этом у союза *хотя* обе синтаксические сферы действия являются лингвистически хорошо определенными (синтаксическая сфера действия по одному актанту — это главное предложение, а по другому актанту — придаточное). У частицы *тем не менее* лингвистически хорошо определена синтаксическая сфера действия только по одному актанту («ключевая ситуация»). Синтаксическая сфера действия по второму актанту ('ситуация-препятствие') определена лишь частично.

У максимально мягких союзов, как и коннекторов типа *тем не менее*, *между прочим*, сфера действия по «левому» семантическому актанту определена лишь частично.

Различие между мягкими и жесткими союзами кажется вполне очевидным. Тем не менее, оно до сих пор не описывалось. Причина в том, что даже максимально мягкие союзы рассматривались в грамматиках только в позиции между частями сложного предложения, которая является общей для всех союзов. Позиция между высказыванием и группой высказываний, характерная для коннекторов и максимально мягких союзов, не рассматривалась в грамматиках по той простой причине, что ее объектом является отдельное предложение. Ситуация изменилась, когда лингвистика стала заниматься текстом. Впрочем, возможно, что для мягких и даже максимально мягких союзов самой обычной является позиция внутри сложносочиненного предложения, а не позиция между отдельными высказываниями или группами таких высказываний. Однако, насколько мне известно, частотность этих позиций еще не оценивалась.

Мы видим, что союзы представляют собой достаточно разнородный класс, причем многие из них фактически являются коннекторами. В целом, максимально мягкие союзы и «классические» коннекторы, подобно жестким союзам, имеют по две семантических актанта и по две семантических валентности. Но они имеют лишь по одному «полноценному» синтаксическому актанту и по одной синтаксической валентности. Вторая синтаксическая валентность у таких слов лишь намечена.

Заключение

Хорошо известно, что множество лингвистических объектов, определяемое по тем или иным признакам, имеет неоднородную структуру: в нем выделяются центр и периферия. Объекты, относящиеся к центру, обладают всеми данными признаками, а на периферии располагаются так называемые промежуточные случаи, т. е. объекты, обладающие лишь частью данных признаков. Однако теория валентностей до сих пор описывала лишь центральные, «чистые» случаи. Между тем промежуточные случаи существуют и здесь. К таким периферийным явлениям относятся «зачаточные» синтаксические валентности коннекторов, т. е. мягких союзов и фразовых частиц, рассмотренные выше.

Отметим, что одна из задач автоматического анализа текста — выявление семантических актантов лексем, содержащихся в высказывании. Однако эта задача поддается алгоритмизации лишь в том случае, если синтаксические сферы действия лексемы по ее семантическим актантам лингвистически хорошо определены. Если же синтаксическая сфера действия лингвистически определена лишь частично (и тем более если она вообще лингвистически не определена), то обнаружение семантического актанта лексемы неалгоритмизуемо. Для нахождения семантического актанта, которому соответствует частично определенная синтаксическая сфера действия, требуются не только собственно лингвистические сведения (например, о линейном расположении фрагментов текста), но и понятийный анализ текста, невозможный без привлечения обширных «энциклопедических знаний» о действительности. Возможно, подобная процедура и поддается какой-то алгоритмизации, но при этом предполагается обработка не синтаксической или семантической структуры высказывания (текста), а некоторой понятийной сети.

Интеграция собственно лингвистического анализа с анализом содержания текста требуется, в частности, для обнаружения семантических актантов фразовых частиц и синтаксически мягких союзов.

В настоящее время задачи подобного рода могут быть лишь поставлены.

Литература

1. *Апресян* 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М.
2. *Апресян* 2005 — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология Нового объяснительного словаря синонимов русского языка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и дополн. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.
3. *Богуславский* 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М.
4. *В. Апресян* 1999 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке и слова со значением уступки // ВЯ. 1999. № 5.
5. *Крейдлин, Падучева* 1974а — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Значение и синтаксические свойства союза а // НТИ. Сер. 2. 1974, № 9.
6. *Крейдлин, Падучева* 1974б — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом а // НТИ. Сер. 2. 1974, № 10.
7. *Мельчук* 1974 — И. М. Мельчук. Опыт теории построения моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
8. *Падучева* 1974 — Е. В. Падучева. Семантика синтаксиса.
9. *Плунгян, Рахилина* 2005 — V. Plungian, E. Rakhilina. Приземлиться и промахнуться: семантические механизмы синтаксических ограничений // Восток — Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст». М. 2005.
10. *Теремова* 1986 — Р. М. Теремова. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.
11. *Урысон* 2003 — Е. В. Урысон. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Русский язык в научном освещении. № 6.
12. *Урысон* 2008 — Е. В. Урысон. Синтаксические свойства союзов и теория валентностей // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. / Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008.

References

1. *Apresjan Ju. D.* (1974), *Leksicheseskaja semantika* [Lexical semantics]. Moscow, Nauka.
2. *Apresjan Ju. D.* (2005), Linguistic terminology of New Explanatory Dictionary of Russian Language [Lingvisticheskaja terminologija Novogo objasnitel'nogo slovarja sinonimov russkogo jazyka], in *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Language]
3. *Apresjan V. Ju.* (1999), Concessivity and concessive items [Ustupitel'nost' v jazyke i slova so znachenijem ustupki], *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics], no. 5.
4. *Boguslavskij I. M.* (1996), *Sfera dejstvija leksicheskikh edinit* [The scope of the lexical items]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury.
5. *Grammatika-80*, *Russkaja grammatyika* [Russian Grammar], v. 1–2, Moscow, Nauka.
6. *Kreidlin G. E., Paducheva E. V.* (1974a), The meaning and syntactic properties of the conjunction *a* [Znachenije i sintaksicheskije svojstva sojuza *a*], *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Science and engineering information], ser. 2, no. 9.
7. *Kreidlin G. E., Paducheva E. V.* (1974b), Interaction between associative links and themo-rhematic articulation in sentences with the conjunctions *a* [Vzaimodejstvije asociativnyh svjazej i aktual'nogo chlenenija v predlozhenijah s sojuzom *a*], *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Science and engineering information], ser. 2, no. 10.
8. *Mel'chuk I. A.* (1974), *Opyt teorii postroenija modelej «SMYSL — TEKST»* [Theory of “MEANING — TEXT” model], Moscow, Nauka.
9. *Paducheva E. V.* (1974), *Semantika syntaksisa* [Syntactic semantics], Moscow, Nauka.
10. *Plungian, V., Rahilina E.* (2005), Russian *prizemlit'sa* ‘to land’ and *promahnut'sa* ‘to miss’: semantic reasons for syntactic blocking of the expression of participants [Prizemlit'sa i promahnut'sa: semanticheskije mehanizmy sintaksicheskikh ogranichenij], *East — West: Second international conference on MEANING — TEXT theory*. Moscow. 2005.
11. *Sannikov V. Z.* (1989), *Russkije sochinitel'nyje konstrukcii* [Russian coordination constructions], Moscow, Nauka.
12. *Teremova R. M.* (1986), Concessive semantics and its expression in modern Russian [Semantika ustupitel'nosti i ejo vyrazhenije v sovremennom russkom jazyke], Leningrad.
13. *Uryson E. V.* (2003), Semantics and valencies of concessive words [Semanticheskaja i valentnaja struktura slov s usutupitel'nym znachenijem], *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in scientific description], no. 6.
14. *Uryson E. V.* (2008), Syntactic properties of conjunctions and valency theory [Sintaksicheskije svojstva sojuzov i teorija valentnostej], in *Dinamicheskije modeli: Slovo. Predlozhenije. Tekst* [Dynamic models: Word. Sentence. Text], Moscow — Vienne, Jazyki slavjanskoj kul'tury.